

Ученые МГИМО

К ИТОГАМ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ (ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 2008 г.)

Е. О. Обичкина*

Автор подводит итоги французскому председательству в ЕС во втором полугодии 2008 г. в контексте европейской политики современной Франции. На последнее председательство Франции пришлось два события, кардинально изменившие международную ситуацию: начало мирового финансового кризиса и конфликт на Кавказе с участием России. Реакция на эти события потребовала серьезной корректировки первоначальных приоритетов французского председательства. В статье проанализированы основные досье европейской политики Франции: создание Союза для Средиземноморья, выработка европейской политики в области иммиграции, стремление к усилению Общей Европейской политики Безопасности и Обороны (ОЕПБО) и противодействие мировому финансовому кризису.

Концептуально автор выделяет смещение равновесия внутри франко-германской пары в пользу ФРГ и внутри ЕС – в пользу новых стран-членов, что серьезно повлияло на выбор французской стратегии усиления европейской обороны и безопасности на путях «атлантизации» собственной политики безопасности, отражением которой стало возвращение Франции в военную организацию НАТО.

Ключевые слова: Франция, ЕС, Саркози, финансовый кризис ОЕПБО.

Keywords: France, EU, Sarkozy, financial crisis, ESDP.

31 декабря 2008 г. истек срок французского председательства в Европейском Союзе. Один из французских дипломатов сравнил роль страны-председателя с положением студента перед экзаменационной комиссией: каждый может указать ему на недостатки и выставить оценку за проделанную работу, он же не может ни изменить условия экзамена, ни повлиять на поведение экзаменаторов. Накануне председательства во Франции сетовали, что, поскольку его начало приходится на лето, а август – время массовых отпусков – практически является для политики «мертвым сезоном», сроки реализации инициатив страны-председателя «урезаются» с полугода до пяти месяцев, что заранее ограничивает возможности страны-председателя. Однако именно в августе—сентябре 2008 г. политическая рутинка была взорвана двумя событиями, качественно изменившими международные условия и ставшими главными вызовами, с которыми столкнулось французское председательство: грузино-югоосетинским конфликтом и мировым экономическим кризисом, первым ярким проявлением которого был крах американской компании Леман Бразерс 18 сентября 2008 г.

Всякий раз Париж старается озаглавить европейское председательство Франции значи-

тельными инициативами в европейском строительстве. В предыдущее, например, французская дипломатия готовила подписание договора в Ницце 2000 года. Особое внимание к европейскому направлению внешней политики Франции органично для дипломатии страны в последние полвека, и Николя Саркози провозгласил Европу приоритетом своей внешней политики. После стремительного двойного расширения НАТО и ЕС под вопрос поставлена традиционная «пилотная» роль Франции в европейском строительстве, и для Парижа это важный вызов, который требовалось парировать показательными успехами французского председательства в ЕС. Н. Саркози оно представлялось прекрасной возможностью вновь вывести страну на авансцену европейской и мировой политики и подтвердить уже на европейском уровне собственную репутацию энергичного, эффективного и амбициозного политического деятеля международного масштаба.

Приоритеты французского председательства в ЕС

Главная идея европейского курса Николя Саркози, по его собственному утверждению, – защита европейцев от рисков глобализации. Ее реализация должна была придать яркости внешнеполитическому имиджу Н. Саркози и одновре-

*Обичкина Евгения Олеговна – доктор исторических наук, профессор Кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, e-mail: intrel@mgimo.ru.

менно стала бы ответом на острые глобальные вызовы европейскому и мировому сообществу. Одной из таких идей, обогатившей «гуманитарное послание» Франции миру, стала борьба против «парникового эффекта», строительство единой европейской политики по сокращению вредных выбросов в атмосферу.

К этому добавились два других стратегических приоритета французского председательства: создание Средиземноморского союза и прогресс в строительстве европейской оборонной политики. Последнее происходило из стремления преодолеть франко-американские разногласия и из намерения активизировать как европейское, так и евро-атлантическое сотрудничество в области производства вооружений и в разрешении международных кризисов.

Наряду с реализацией оригинальных инициатив, имеющих идейное значение и вписывающихся в некий глобальный проект, Николя Саркози предстояло решить ряд насущных проблем европейского строительства, в частности, разблокировать Конституцию ЕС, отвергнутую французами на референдуме 2005 г.

Вступая в должность президента в 2007 г., Николя Саркози предложил выработать новый текст конституционного договора, сокращенный и внятный, чтобы затем представить его на ратификацию национальным парламентам. Это самый быстрый и верный путь ратификации, поскольку политические элиты европейских стран являются в подавляющем большинстве убежденными европеистами. При активном участии Франции был выработан и подписан Лиссабонский договор 2007 г., но отклонение договора в Ирландии – единственной стране, избравшей путь ратификации через референдум, поставило страну-председателя перед новым кризисом конституционной реформы ЕС, тем более что вслед за ирландским «нет» президент Чехии приостановил процедуру ратификации, несмотря на положительное голосование национального парламента. Во время визита в Ирландию Н. Саркози предложил, чтобы гражданам страны была предоставлена возможность высказаться по Лиссабонскому договору. Чтобы оправдать повторный референдум, можно, по его мнению, приурочить эту процедуру к ближайшему расширению ЕС. Скорее всего, это будет связано с присоединением Хорватии, возможно, в 2009 г.¹

Другим приоритетом должна была стать реформа европейской сельскохозяйственной политики – не организация сбыта европейской сельхозпродукции, а помощь в организации производства – в ответ на скачок мировых цен и на кризис продовольствия.

Третьим из насущных европейских досье являлась борьба с незаконной иммиграцией – реакция на рост социальной и межэтнической напряженности в западноевропейских странах, в частности, во Франции.

К осени 2008 г. намечалось завершить переговоры по новому базовому соглашению ЕС с Россией. Соответствующее решение было принято на саммите Россия—ЕС в Ханты-Мансийске в конце июня 2008 г., к началу французского председательства, и Николя Саркози предстояло, во-первых, добиться согласия внутри ЕС по этому вопросу, а во-вторых, преодолеть разногласия между европейцами и Россией.

Если кратко пройти по главным досье французского председательства в ЕС, то очевидно, что оно было нелегким и отнюдь не рутинным. Нелегким, потому что французское видение проблем не являлось внутри ЕС единственным, встречало не только привычное уже для французской дипломатии сопротивление восточноевропейских членов, но и Германии, которую во Франции принято рассматривать как главного партнера в европейском строительстве. Кроме того, продвижение главных европейских досье Франции затрагивало интересы внешних партнеров, в частности, США и России.

Союз для Средиземноморья: символический или символический успех дипломатии Н. Саркози?

Идея создания Средиземноморского союза была выдвинута Николя Саркози в период его избирательной кампании 2007 г. Здесь президенту Франции предстояло столкнуться с целым рядом противоположных интересов и в ЕС, и в странах Средиземноморья, и в США, привыкших контролировать безопасность в регионе. Подобно тому, как в годы биполярности французская дипломатия видела свою планетарную миссию в наведении мостов между двумя полюсами, ее проект Средиземноморского союза, по словам Саркози, отвечает новой планетарной миссии Европы: «Европа должна присутствовать, чтобы избежать фронтального противостояния между арабским миром, с одной стороны, и первой державой мира – США, с другой стороны. Союз за Средиземноморье это организация постоянного диалога между Европой и Средиземноморьем, т. е. арабскими странами»².

Этот проект, призванный вернуть Франции ведущую роль в Европе и в Средиземноморье, первоначально насторожил как тех, к кому непосредственно был адресован, так и тех, кто считал себя из него исключенным, в частности несредиземноморские страны ЕС и страны арабского Востока. Чтобы успокоить первых, Франция сог-

ласилась с Испанией, которая считала, что Союз лишь призван дать новый импульс Барселонскому процессу, начатому в 1995 г., но не отмеченному какими-либо показательными свершениями. Сохранение доверия внутри франко-германской пары потребовало «снижения ставок» в этом проекте, что выразилось в изменении названия. Средиземноморский союз был переименован в Союз для Средиземноморья (СДС). Можно было предположить, что Средиземноморский союз будет самостоятельным, хотя и тесно связанным с ЕС объединением государств Средиземноморского бассейна. Подобный союз для стран побережья Балтийского моря уже действует. Он включил только прибрежные страны ЕС и соседние страны Балтики, в частности, Россию. Франция является лишь наблюдателем в этой ассоциации.

Согласие Германии на создание СДС нелегко далось французской дипломатии. В декабре 2008 г. Ангела Меркель предупредила Николя Саркози об опасности, что эта односторонняя инициатива Парижа может подорвать единство ЕС. В феврале вопросы будущего председательства Франции в ЕС обсуждались Анри Гиано (специальным советником Н. Саркози) с шерпом канцлера Германии по европейским вопросам. А. Гиано заявил, что он не понимает, зачем Германии вмешиваться в дела Средиземноморья, тем более что Средиземноморский союз от нее не потребует финансовых усилий. Последнее подразумевало неучастие несредиземноморских стран, среди которых Германия, во французском проекте. Французский представитель указал также на опыт создания другой региональной организации с ограниченным кругом участников из ЕС – Союза стран Балтии, в котором Германия проявляет крайнюю заинтересованность. «Мы не можем оставить это досье только в ваших руках. Это стратегический вопрос», – заявил в ответ германский представитель и пригрозил, что если Франция не уступит, Берлин блокирует все остальные досье ее председательства³. Париж согласился подключить к создающемуся Средиземноморскому союзу все 27 членов ЕС. В обмен Франция получила статус полноправного члена Балтийского союза, в котором до тех пор была лишь наблюдателем⁴.

Союз для Средиземноморья – название, появившееся после года консультаций с европейскими столицами, в первую очередь, с Берлином, – подключает к этому проекты все страны Евросоюза. Кроме того, неологизм подчеркивает беспрецедентный характер организации. Вполне возможно, что такой неизданный формат при определенности задач больше устраивает и афро-азиатских участников Союза, которые опасались возрождения ко-

лонизальной конструкции, схожей с французским проектом Еврафрики 1950-х гг. Это мнение отстаивает глава Ливии Муамар Каддафи, который отказался участвовать в создании Союза для Средиземноморья. В Саудовской Аравии также считают, что подобный союз помешает становлению межарабского регионального сотрудничества и станет ударом по Арабской Лиге, в частности, отколет от нее государства, участвующие в Союзе и согласные сотрудничать с Израилем. Арабские участники могли бы настоять, чтобы в него пригласили и всех членов Арабской лиги: Саудовскую Аравию, Йемен, Ирак или Судан, поскольку все члены ЕС, не принадлежащие Средиземноморью (Германия, Польша, Великобритания или Бельгия), участвуют в создающемся Союзе⁵.

После года консультаций европейское председательство Николя Саркози увенчалось первым знаменательным успехом. 13 июля 2008 г., в канун национального праздника Франции в Париже на саммите стран Средиземноморья было объявлено о создании Союза для Средиземноморья (СДС), в который вошли 43 страны. Помимо 27 стран ЕС и стран южного и восточного берегов Средиземного моря (Алжира, Египта, Израиля, Иордании, Ливана, Марокко, Мавритании, Палестинской автономии, Сирии, Туниса, Турции), в него пригласили войти Албанию, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и Монако. Ливия отказалась от участия в Союзе. Для достижения паритета между Севером и Югом в руководстве СДС были названы два сопредседателя с обоих берегов: президент Франции Н. Саркози и президент Египта Хосни Мубарак.

При наличии политической воли стран, призванных его составить, создание такого союза может объединить регион и разрешить целый комплекс проблем, по которым сегодня проходят основные линии разъединения: от взаимоотношений ЕС и Турции⁶ и проблемы Кипра до совместной борьбы с нелегальной иммиграцией и терроризмом. Он мог бы способствовать преодолению взаимного недоверия между севером и югом – следствия колониального прошлого, стать пространством диалога культур и цивилизаций, способствовать ускоренному экономическому развитию, борьбе с бедностью и расширению пространства демократии на регион восточного и южного Средиземноморья. В рамках подобного союза мог бы быть разрешен и арабо-израильский конфликт. Однако повторимся, – все это только при наличии политической воли всех участников процесса. Условие это сегодня трудновыполнимо, о чем свидетельствует буксование Барселонского процесса.

По сути, идея создания СДС родилась из стремления Франции – сторонницы Европы государственных – создать принципиально иную, чем родившуюся в Барселоне, ассоциацию стран Севера и Юга, свободную от бюрократического гнета Брюсселя. Анри Гиано, специальный советник Николя Саркози и один из авторов проекта Союза, первоначально достаточно резко отреагировал на заявление еврокомиссара по международным делам ЕС Б. Ферреро-Вальднер о том, что СДС является продолжением Барселонского процесса, хотя, как говорилось выше, Франция должна была с этим согласиться, чтобы успокоить Испанию⁷.

Не по всем досюе можно ожидать быстрого совпадения позиций внутри СДС. Одним из первых позитивных итогов саммита стало возобновление ливано-сирийских дипломатических контактов, но сразу вслед за тем сирийский президент Башар Асад отказался присутствовать на выступлении главы Израиля Эхуда Ольмерта и демонстративно покинул зал заседаний. Уже обсуждение текста Совместной декларации показало, что мир на Ближнем Востоке, безусловно, будет самым трудным досюе Союза. В этой части итоговая формулировка финальной Декларации саммита весьма расплывчата и не содержит прямого требования вывода израильских поселений с палестинских земель (оно указано в скобках). Не стоит также забывать, что США, которые играют в этом процессе одну из первых ролей, не участвуют в Союзе для Средиземноморья. Не исключено, что последнее обстоятельство будет оказывать негативное влияние на становление любого сотрудничества в области безопасности региона в рамках новоиспеченного Союза.

Участие в нем Израиля и арабских государств не могло предотвратить новый военный конфликт на Ближнем Востоке, вспыхнувший 27 декабря 2008 г. после начала израильской операции в Газе. Напротив, война в Газе привела к «приостановке» функционирования институтов СДС. По инициативе арабских стран, которые после начала боевых действий отказались сесть за один стол с Израилем, с января 2009 г. были аннулированы все запланированные ранее институциональные и технические встречи Союза для Средиземноморья. Формально на этом настоял сопредседатель СДС президент Египта Хосни Мубарак. Николя Саркози, сопредседатель с европейской стороны, не стал настаивать, поскольку полярные позиции участников в отношении конфликта могли привести к расколу новорожденного Союза. Между тем, именно в рамках СДС должна обсуждаться международная программа помощи, направленной на восста-

новление Газы. Конференция по этой проблеме открылась в Шарм-аль-Шейхе 2 марта 2009 г. под сопредседательством Н. Саркози и Х. Мубарака. Французская дипломатия склонна не драматизировать сложившуюся ситуацию, считая, что СДС – проект, нацеленный на длительную перспективу, и он не должен пострадать из-за приостановки деятельности «на несколько месяцев»⁸.

Европейская политика в области иммиграции

Иммиграция, вернее, борьба с незаконной иммиграцией, которая сегодня является угрозой благополучию развитых европейских стран, – одна из главных «личных» тем Николя Саркози-политика. Еще на посту министра внутренних дел в правительстве Д. де Вильпена (в 2005–2007 гг.) он добился во Франции принятия принципа избирательной иммиграции или натурализации. На посту президента страны и в преддверии французского председательства в ЕС Саркози ратовал за распространение этого принципа на все страны Союза. Европейский пакт по иммиграции и предоставлению убежища был подписан министрами внутренних дел стран ЕС на совещании в Каннах 7–8 июня 2008 г. Он предусматривает запрещение массовой натурализации и высылку незаконных иммигрантов за счет ЕС. За время французского председательства Саркози хотел добиться активизации совместных усилий ЕС по борьбе с незаконной иммиграцией: ужесточения пограничного контроля на его границах, высылки иммигрантов, не имеющих вида на жительство, единых правил предоставления убежища и активной политики помощи странам «исхода» иммигрантов, в частности, в рамках помощи развитию и Союзу для Средиземноморья. В принципе, политика, предложенная Саркози, отвечает озабоченности ряда стран ЕС (Германии, Италии и Великобритании и Испании), столкнувшихся, подобно самой Франции, с волнами незаконной иммиграции. Подходы, предложенные Н. Саркози, характерны для французских и в целом европейских правых, но на уровне Европейского и национальных парламентов не очень хорошо встречены их левыми депутатами. В частности, в Испании социалистическое правительство Х.-Р. Сапатеро, подобно левым правительствам Франции в 1980–1990-е гг., прибегает к массовой натурализации, чтобы снизить социальную напряженность и добиться благоприятных условий для интеграции иммигрантов в европейское общество. Точно так же правозащитные организации и левые партии беспокоят гуманитарные вопросы, в частности, вопрос о длительности и условиях административного задержания и высылки «нежелательных» иммигрантов.

Потеря равновесия в франко-германской паре: между «старой» и «новой Европой»

Одно из осложнений всего дипломатического курса Николя Саркози – недостаток взаимопонимания в франко-германской паре. Важное условие влияния Франции в ЕС – ось Париж–Берлин, похоже, действует не столь успешно, как при предшественниках Н. Саркози. Французский президент считает это направление одним из приоритетов своей дипломатии. С Ангелой Меркель он встретился непосредственно после церемонии собственной инаугурации. Однако франко-германские отношения свидетельствуют о снижении заинтересованности Берлина в компромиссах с Парижем. Возможно, это можно отнести на счет личных отношений между Меркель и Саркози⁹, может быть, дело здесь в значительном смещении равновесия внутри ЕС на восток, в осознании возросшего веса новых стран ЕС в выработке общеевропейской стратегии, в первую очередь, в вопросах безопасности и внешней политики.

Институциональное развитие ЕС в последнее десятилетие в большей степени отвечало замыслам Берлина, чем желаниям Парижа. Вопреки французской концепции Европы государств-наций, в связи с институциональными реформами и расширением до 27 членов, тенденция развития и функционирования ЕС все более тяготеет к наднациональной модели, предложенной Германией. Один из примеров тому – статус Центрального Европейского Банка. Как того опасался Франсуа Миттеран при объединении Германии, ей удалось добиться центрального положения в ЕС не только географически, но и политически, благодаря гораздо большему, чем у Франции, влиянию среди новых членов Европейского Союза. Позиции германского капитала в этой зоне значительно прочнее. Именно Германия, вопреки желанию Франции, ратовала за быстрое расширение Евросоюза на Восток, и Берлин проявил больше такта в обращении с новыми союзниками. В восточноевропейских столицах вряд ли забыли об отповеди Жака Ширака, который в ответ на их заявления о поддержке военной операции США против Ирака в 2003 г. сказал, что они «упустили возможность промолчать» и прислушаться к мнению старожилев ЕС.

Казалось, что усилив свои позиции внутри ЕС и в Европе в целом, ФРГ уже не так нуждается в оси Париж–Берлин, как во времена Аденауэра, Коля и Шредера, хотя и не намерена от нее отказываться. Но с осени 2008 г. новая данность способствовала росту заинтересованности канцлера ФРГ в усилении франко-германского тандема. Это мировой финансовый кризис и необходимость вы-

работки единого подхода стран-доноров ЕС из старого европейского «ядра» к решению экономических проблем ЕС в целом, и в особенности его новых членов.

Между тем, сначала в Берлине разделяли далеко не все приоритеты французского председательства, озвученные Николя Саркози. Так, соглашаясь с первостепенной важностью решения проблем энергетической безопасности, борьбы с вредными выбросами в атмосферу и с отмыванием денег (с европейскими островками «фискального рая», вроде Лихтенштейна), а также незаконной иммиграцией¹⁰, Германия выказала мало интереса к, пожалуй, главному и самому амбициозному проекту Н. Саркози – к плану создания Средиземноморского союза, поскольку в Средиземноморье даже географически ей вряд ли может быть уготована центральная роль, подобная той, которой она уже добилась в странах ЦВЕ. Последние тоже не склонны были поддерживать французский проект, опасаясь, что это переориентирует финансовые потоки помощи ЕС, которыми сегодня пользуются новые восточноевропейские члены, на финансирование далеких от них культурно и географически стран Восточного и Южного Средиземноморья. Гораздо больший интерес представлял для этих стран выдвинутый Польшей и Швецией проект «восточного союза», составленного из бывших советских республик, призванный стать чем-то вроде «кордона» между ЕС и Россией, который именно по этой причине не встретил энтузиазма у Франции, желавшей ознаменовать свое председительство заключением нового базового соглашения ЕС с Россией. Опыт функционирования расширенной Европы 27-ми показывает, что горячее желание Франции преуспеть в создании Средиземноморского союза во время своего председательства могло бы существенно продвинуть польско-шведский проект, поскольку параллельное обсуждение обоих проектов сопровождалось бы серией серьезных взаимных компромиссов. Однако российско-грузинский конфликт нарушил корреляцию двух досье: он перевел отношения ЕС с Грузией и Украиной в сферу евроатлантической безопасности.

Усиление ОЕПБО и выбор в пользу атлантизма

Уходит в прошлое одно из слагаемых внешнеполитической идентичности Франции – неучастие в военной организации НАТО и стремление к автономной (от США) европейской обороне и безопасности. Франции так и не удалось за 20 лет после падения Берлинской стены реализовать идею Миттерана об автономной (по преимуществу ев-

ропейской, а не атлантической) обороне и безопасности. Следуя политике предшественников, Саркози назвал среди приоритетов своего председательства в ЕС увеличение бюджета европейской оборонной политики, повышение способности ЕС к военному и гуманитарному вмешательству и создание общего рынка в сфере производства вооружений. Однако внутри ЕС существует достаточно сильная оппозиция развитию автономной европейской обороны. Во-первых, все члены ЕС не готовы к качественному увеличению расходов на оборону, необходимому для реализации французской инициативы. Во-вторых, «атлантисты» – прежде всего, Великобритания и страны Восточной Европы, видят в этом проекте конкуренцию с НАТО, оспаривание решающей роли США, в которой они видят залог собственной безопасности.

Российско-грузинский кризис выявил новую расстановку сил в Европе, подтвердив способность и решимость России осуществлять функции регионального жандарма на ближайшей периферии ЕС и в зоне перспективных интересов НАТО – на Кавказе и, возможно, на всем постсоветском пространстве, невзирая на тесные связи государств ближнего зарубежья с НАТО или только с США. По собственному признанию Николя Саркози, выступившего в роли посредника в урегулировании на горячей стадии конфликта, успех его миссии зависел от способности найти согласие внутри ЕС, особенно со странами Восточной Европы и Балтии, для которых атлантизм идентичен сдерживанию России. Удельный вес этих стран с 2004 г. значительно возрос, и Франции даже в отношениях с Германией пришлось убедиться в том, сколь важно учитывать их интересы в любом европейском досье, включая план Союза для Средиземноморья. Хотя после августовских событий на Кавказе внутри НАТО победила позиция Франции и Германии – противников вступления в Альянс Грузии и Украины, в глазах Саркози этот кризис доказал неотложность выработки общей линии ЕС в области европейской безопасности, что предполагает единую внешнеполитическую волю и автономные военные возможности. Поскольку ЕС таковыми не располагает, Франция вынуждена делать ставку на имеющиеся средства НАТО. В конце своего европейского председательства Н. Саркози заявил о намерении совместно с Ангелой Меркель организовать в 2009 г. саммит НАТО, чтобы подтвердить (впрочем, действующий уже) принцип неделимости европейской обороны и НАТО: «Мы решили, что отныне 27 (членов ЕС) должны понять: это политика обороны и безопасности Европы и НАТО. Что политика европей-

ской обороны и безопасности является дополнением к НАТО, и невозможно противопоставлять одно другому»¹¹. В этой связи совершенно логичным является возвращение Франции в военную организацию НАТО с 1 января 2009 г.¹², поскольку только полномасштабное участие в работе всех атлантических структур позволит стране сохранять влияние на принятие натовских решений в области европейской безопасности. При условии, что это будет сочетаться с интересами и стилем евро-атлантических отношений, который задаст новая администрация США. Решение Саркози определяется вектором развития ЕС, заданным его стремительным расширением на восток. Произошло то, чего в середине 1990-х гг. опасался президент Жак Ширак: вступление в ЕС посткоммунистических стран Восточной Европы привело к атлантизации ЕС.

В президентство Ширака именно проатлантическая ориентация новых членов ЕС мешала согласию между Францией и восточноевропейскими странами, которые видят основу своей безопасности и внешнеполитического влияния в НАТО и в тесном союзе с США, извлекая из своего членства в ЕС, главным образом, экономические преимущества. Эта позиция приходила в противоречие с формулой французского видения евро-атлантических отношений: «союз, но не подчинение». Внимание к этой проблематике было привлечено разразившимся в августе 2008 г. российско-грузинским конфликтом из-за Южной Осетии. Хотя за действиями Михаила Саакашвили стояла тень США, американская дипломатия не стремилась активно участвовать в разрешении конфликта, и Франции представился случай выступить от лица ЕС посредником в политическом урегулировании на «горячей» стадии кризиса. Николя Саркози сделал вывод из многочисленных и напряженных европейских и евро-атлантических консультаций вокруг этого конфликта и вокруг приема Грузии и Украины в НАТО, следуя намерению, провозглашенному в начале президентства: он разрешил противоречие между усилившимся проатлантическим лагерем внутри ЕС и французской линией на создание европейской оборонной идентичностью в пользу атлантизма. Восточная Европа, ее численное преобладание, заставляет Францию выбрать атлантизм, чтобы сохранить свои позиции в Евросоюзе и, в идеале, чтобы сделать НАТО более европейской¹³. В 1997 г. Жак Ширак вслед за Франсуа Миттераном хотел вернуться в военную организацию НАТО из страха маргинализации страны. Та же логика привела к решению Н. Саркози. Как представляется, это решение определили несколько факторов:

- закон количества, подавляющее большинство сторонников атлантизма внутри ЕС благодаря его расширению на страны Восточной Европы;
- экономический кризис, который делает малоэффективным качественный рост бюджета европейских стран на оборону;
- кавказский кризис августа 2008 г. показал европейцам: «Россия возвратилась к утверждению своего могущества»²⁴. Силовой внешней политике России должна соответствовать консолидация Запада.

Франция и «новая Европа»

Николя Саркози хотел использовать европейское председательство Франции, чтобы растопить холод отчуждения со странами Восточной Европы и Балтии. Но парадоксом начала председательства Франции в ЕС является обратная связь внутри каждого из важнейших направлений ее усилий: взаимопонимание с восточноевропейскими членами ЕС было обратно пропорционально решимости Франции добиться прорыва в создании Средиземноморского союза и в обеспечении энергетической безопасности, в которое она вписывает прогресс евро-российских отношений.

За первый год своего президентства Николя Саркози провел серию встреч с лидерами восточноевропейских стран ЕС, стремясь преодолеть неблагоприятное наследие Жака Ширака. Растопить холод отчуждения была призвана фраза-послание, напоминающая о венгерских предках Н. Саркози и произнесенная им во время визита в Софию: «Все-таки, я сам наполовину из Восточной Европы». Важным позитивным сигналом было снятие Францией ограничений на привлечение рабочей силы из «новой» Европы. Избирательная натурализация иммигрантов во Франции особенно благоприятна для выходцев из этого региона.

В начале своего президентства Николя Саркози провозгласил борьбу с климатическими изменениями, в частности, с вредными выбросами в атмосферу (CO₂), а также пересмотр системы квот на выбросы и на производство и распространение биотоплива частью политики, которую он назвал новой «политикой цивилизации», равной по универсальному значению Декларации прав человека. В качестве альтернативы Франция предлагает ЕС развитие ядерной энергетики, в которой страна занимает лидирующие позиции. Не только некоторые члены ЕС, но и бурно развивающиеся страны, такие как Россия, Бразилия, Китай или Индия не готовы принять жесткие ограничения вредных выбросов, поскольку это повышает себестоимость продукции. Соответствующие

призывы к США тоже не встретили понимания американских законодателей, приверженных протекционистской политике.

Противодействие политике, предложенной Францией, ярко проявилось на прошедшем в Японии саммите Большой восьмерки (июль 2008), однако Николя Саркози удалось добиться одобрения Европарламентом в первом чтении пакета мер, направленных на качественное сокращение странами ЕС (на 20 % к 2020 г.) вредных выбросов в атмосферу и увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергоснабжении Европы до 20 %²⁵. Переговоры со странами Восточной Европы, особенно с Польшей и Венгрией, были особенно трудными, поскольку их тяжелая индустрия и ядерная энергетика уже были свернуты при вступлении в ЕС. Теперь же от них требовались новые жертвы, и новые директивы ЕС могут угрожать их экономическому росту, а выбор между развитием и экологией особенно драматичен перед лицом экономического кризиса.

Николя Саркози приложил немало усилий, чтобы добиться согласия с лидерами стран Восточной Европы по проблемам климата и энергетики. По праву председателя ЕС в начале декабря 2008 г. он встретился с ними в Гданьске. Перед Европейским советом 12 декабря он получил согласие этих стран на ограничения в потреблении угля и переоснащение национальных энергосистем в духе директив ЕС, в обмен на преимущества от подключения этих стран к единому европейскому энергетическому рынку. Адресуясь к странам Восточной Европы, Саркози признал, что «их тяжелая промышленность была принесена в жертву при переходе от коммунистической системы к рыночной экономике». Но вопрос не в том, чтобы навязывать Польше, Венгрии и др. обязательства в области охраны окружающей среды, но в том, чтобы «не поставить эти страны в положение, чреватое социальным взрывом, ни в коем случае не ставить их перед выбором между защитой окружающей среды и экономическим ростом»²⁶.

Не совсем понятно пока, существует ли какая-то связь между договоренностями в Гданьске и непримиримой позицией на переговорах Украины с Газпромом, приведшей к топливному кризису начала 2009 г., но очевидно, что этот кризис – следствие кризиса в отношениях Россия—ЕС в связи с событиями на Кавказе. Франция выступала посредником в переговорах о прекращении огня, она же приложила немало усилий, чтобы не допустить европейских санкций против России. В череде факторов, влиявших на развитие событий в августе 2008 г., французское председательство в ЕС было фактором, снижающим риск неблагоприятного

развития событий, будь-то затягивание политического разрешения кризиса или судьба отношений между Россией и ЕС и Западом в целом.

Но Франции не удалось завершить переговоры о новом базовом соглашении. Перспектива ускоренного формирования четырех общих пространств Россия—ЕС, среди которых единое энергетическое пространство, сейчас менее очевидна, чем до французского председательства. Важно только, что в восприятии ЕС, особенно его новых членов, становление такого пространства подразумевает большие уступки со стороны России, откуда и возникает вопрос о роли ЕС в последнем газовом конфликте. Главная претензия Николя Саркози к России – ее возвращение «к поведению, присущему (ей) в Европе в иную эпоху», т. е. к советской практике в Восточной Европе и на постсоветском пространстве¹⁷. Отсюда решимость европейцев, в частности Франции, избегать явного неодобрения действий Украины или прямого давления на нее. Не Франция, а Италия и ФРГ являются в ЕС главными двигателями проектов энергообеспечения Европы из России в обход Украины.

Главным фактором, отодвинувшим продвижение к новому базовому соглашению Россия—ЕС, безусловно, стал российско-грузинский конфликт, затронувший интересы НАТО и ЕС на постсоветском пространстве. Реакция на него Франции очень показательна в свете перспектив, как европейской политики Франции, так и ее политики в отношении России. Думается, являясь мультипликатором внешнеполитического могущества Франции, принадлежность ЕС при настоящей расстановке сил в Евросоюзе осложняет отношения Франции и России, снижая возможности французской дипломатии. Европейская политика соседства на востоке, в которой Франция не является инициатором, уступив здесь инициативу Польше и странам Балтии, стремящимся создать между Россией и ЕС что-то вроде «буферной зоны» государств, тяготеющих к ЕС и к НАТО, способствует возвращению Европы к конфронтационной логике, продиктованной прошлыми обидами. Но может ли и хочет ли Франция влиять на эту эволюцию? Во Франции любят повторять, что банализация положения России внутри СНГ послужила бы на пользу евро-российским отношениям¹⁸. Россия же считает себя партнером, способным говорить с ЕС на равных и не согласна ни на снижение своего влияния в СНГ, ни на банализацию в рамках Европейской политики соседства.

Французское председительство в ЕС могло стать, но не стало прорывом в переговорах России и ЕС. С того самого момента, когда вопрос о новом соглашении Россия—ЕС встал в повестку дня,

стало очевидно, что комплексный характер проблем, которые требуется урегулировать этим соглашением, серьезно осложняет его заключение. При этом для согласования позиций между Россией и ЕС требовалось, прежде всего, добиться согласования позиций внутри ЕС. Изменение соотношения сил в Европе в пользу северной и восточной Европы и в ущерб историческому ядру ЕС сказались и на судьбе соглашения с Россией. Но представляется, что сегодня у Франции нет внятной стратегии, способной продвинуть вперед отношения европейцев с Москвой. Во всяком случае, в традиционном выступлении президента перед послами Франции в конце августа 2009 г. Николя Саркози не мог раскрыть слагаемые французского подхода, ограничившись заявлением о том, что в 2010 году он желал бы прогресса в строительстве «широкого пространства в области экономики и безопасности»¹⁹. При этом из формулы выпало привычное слово «общих» пространств. Впрочем, уже понятно, что заключение энергетического соглашения ЕС с Украиной, непосредственно следовавшее за «новогодним» газовым кризисом 2009 года, выстраивает условия для переговоров с Россией, в которых европейцы стремятся выступить с позиции силы. Возможно также, что Саркози не торопился определить стратегию в отношении России, поскольку еще не ясно, насколько разрушительными для нее стали последствия мирового экономического кризиса. В том же выступлении перед послами президент заявил: «Очевидно, что когда мир выйдет из этого кризиса, иерархия держав будет иной, чем до того, как он разразился... Китай, Индия, Бразилия выйдут из него более сильными»²⁰. Примечательно, что Россия выпала здесь из перечня стран БРИК, и эта косвенная констатация потенциального ослабления России не стимулирует к поискам энергичного и тесного партнерства с Москвой, к которому в более благоприятных обстоятельствах принято возвращаться в Париже.

Противодействие мировому экономическому кризису

Начало мирового финансового и экономического кризиса стало, пожалуй, самым серьезным вызовом Евросоюзу за все годы его существования. Дело не только в мировых позициях и в перспективах развития одной из сильнейших экономик мира. Финансовый кризис является проверкой на прочность Европейской валютной системы, подразумевающей солидарность экономической политики и бюджетную дисциплину внутри зоны евро. Кроме того, это серьезное испытание для политики ускоренной интеграции стран Восточной

Европы, поскольку кризис сильнее затронул неокрепшие и недостаточно конкурентоспособные экономики новых стран-членов, поставив на грань государственного банкротства Латвию и Венгрию. Франция не только в качестве страны-председателя, но и как одна из основных стран-доноров для Восточной Европы была жизненно заинтересована в скорейшей выработке единой антикризисной стратегии ЕС. По инициативе Николая Саркози с середины сентября неотложно была созвана целая серия европейских саммитов. Первый из них – неформальный саммит министров экономики и финансов в Ницце 12–13 сентября способствовал выработке единых подходов к оценке кризиса и спровоцированных им рисков. На нем были приняты первые принципы, адресованные экономическим агентам и способные стать основой оздоровления европейской финансовой системы: восстановление доверия на рынках, рост ответственности всех экономических субъектов, усиление контроля со стороны европейских институтов.

Углубление финансового кризиса показало необходимость определения конкретных мер по восстановлению нормальной работы финансового сектора. Николай Саркози призвал своих партнеров по ЕС к определению и реализации «европейского ответа (кризису), амбициозного и скоординированного»²¹. Великодушное предложение французского президента о создании европейского фонда для срочного спасения терпящих бедствие кредитно-финансовых учреждений встретило сопротивление Ангелы Меркель, отстаивающей принцип ответственности и не желавшей усугублять финансовое положение Германии, которой предстояло бы стать одним из главных доноров проекта. Несмотря на внутренние разногласия, странам ЕС удалось в течение нескольких недель принять серию единых антикризисных мер в финансовой сфере. Среди них – государственные гарантии банковских вкладов, выросшие с первоначальных 20 000 до 50 000 и в конце концов до 100 000 евро, позволившие предотвратить банковскую панику. Были также приняты меры, снизившие риски разорения в результате резкого падения котировок акций.

Принятая стратегия была одобрена на заседании Большой четверки ЕС 4 октября 2008 г. и детализирована на встрече глав государств и правительств зоны евро 12 октября, созванной по инициативе Парижа. Это была первая в истории ЕЭВС встреча подобного формата. На ней был разработан План согласованных действий стран зоны евро, принципы которого были поддержаны на Европейском совете 15–16 октября.

Франции удалось также организовать срочную помощь для спасения наиболее затронутых кризисом национальных экономик. Европейский совет предоставил Венгрии финансовую помощь в размере 6,5 млрд евро в поддержку программы МВФ. Помощь в 3,1 млрд евро была обещана Латвии. Общая сумма средств, выделенных на солидарную помощь Сообщества, увеличена вдвое, с 12 до 25 млрд евро.

Разразившийся экономический кризис имеет глобальный характер и в значительной степени определен положением американской экономики. В своей августовской речи перед послами Николая Саркози прямо возложил ответственность за кризисный шок 15 сентября 2008 г. на Вашингтон, указав, что «весь мир оказался на краю пропасти» из-за решения американских властей обанкротить банк Леман Бразерс. Французский президент сделал специальный акцент на том, что это решение было принято «без какого-либо согласования с главными партнерами США»²². Относительная пассивность уходящей администрации Джорджа Буша заставила Николая Саркози инициировать международный саммит в Вашингтоне, посвященный проблемам перестройки мировой финансовой системы, который состоялся 15 ноября 2008 г. Принципы, которые отстаивала Франция от лица ЕС, сводились к следующему:

- воскрешение в качестве центральных принципов системы ответственность и прозрачность,
- обеспечение контроля и регулирование деятельности всех значительных акторов международной финансовой системы,
- закрепление за МВФ первостепенной роли в стабилизации международной финансовой системы,
- присоединить к этим принципам развивающиеся страны.

Одним из важных итогов встречи было решение о созыве саммита Большой двадцатки крупнейших экономик мира 2 апреля 2009 г. Местом его проведения выбран Лондон. Координация позиций стран ЕС на саммите должно было служить созванное по инициативе Николая Саркози неформальное совещание министров экономики и финансов в Париже, 18 декабря 2008 г. По замыслу организаторов, выработка единой европейской программы действий по преодолению кризиса закрепляла за Евросоюзом роль мотора в реформировании международной финансовой системы. Следующий раунд обсуждения состоится в конце сентября 2009 г. в Питсбурге. Верный своей традиции, Париж стремится таким образом утвердить свой вес в мире, перенося амбициозные планы с национального на европейский уровень.

Из доклада Франция-Восточная Европа

Восточная Европа является одним из центральных факторов отношений между Россией и ЕС. К сожалению, сегодня в основном фактором, осложняющим эти отношения. Причем, речь идет и о странах-членах ЕС, и о лимитрофах, сегодня составляющих круг Восточного партнерства. Влияние Франции в ЕС, наоборот, в Москве принято рассматривать как умеренно положительный фактор. Сегодня я остановлюсь на взаимодействии в треугольнике: Франция (член старой Европы)—восточная (новая) Европа—Россия. Треугольник условный, поскольку речь пойдет и о двух группах стран-лимитрофов – Восточной Европе в составе и вне ЕС.

В отношении Франции к Восточной Европе сегодня проявляется двойственность, соответствующая двум тенденциям развития отношений между Западной и Восточной Европой (той, которая внутри ЕС и той, которая вне Сообществ). Это борьба инстинктов холодной войны с прагматизмом.

Географически – это лимитрофы России или постсоветского пространства.

Политически и экономически – это посткоммунистические страны транзита, с проблемной экономикой.

Исторически роль этих стран состояла в том, чтобы быть или «мостами» или барьерами между Россией и Европой.

Вот уже 20 лет после окончания холодной войны Запад относится к ним как к политическим беженцам из или от СССР, несмотря на то, что условия, породивших бегство, больше не существует. Такое отношение помогло их ускоренной интеграции в НАТО и ЕС, но ослабило их ответственность за собственное развитие в качестве суверенных государств. В период экономического кризиса встает вопрос, сможет ли ЕС по-прежнему компенсировать этот недостаток ответственности.

В последние месяцы двойственность французской позиции, которая заключается, с одной стороны, в постоянной вербальной апелляции к трудной исторической судьбе ЦВЕ, с другой стороны, в действительном отказе от идеологических клише в пользу прагматизма. Эта тенденция, в целом, выгодна России и может положительно сказаться на перспективах отношений Россия—ЦВЕ—ЕС.

1. Расширение на восток: «старая» и «новая» Европа: пилотная роль Франции под вопросом:**1.1. Смещение равновесия внутри ЕС на восток**

Стремительное расширение ЕС на восток в контексте реформ по его углублению (Ницца, Лиссабонский договор) привело к значительному смещению равновесия внутри ЕС на восток и

возросшему весу новых стран ЕС в выработке общеевропейской политики, в первую очередь, в вопросах безопасности и внешней политики, что снизило роль Франции в качестве мотора и одного из наиболее влиятельных членов ЕС. Именно этого опасался Жак Ширак, считавший, что не следует спешить с расширением на восток.

Кроме того, расширение на восток, следовавшее за расширением НАТО и им ускоренное, привело к атлантизации Европы, вразрез с французской линией на строительство ЕС в качестве самостоятельного центра силы (*Europe-puissance*).

Французское председательство 2008г., было для Николя Саркози историческим шансом, способным вернуть его стране и ему лично роль мотора ЕС. Ставка делалась на традиционные внешнеполитические рычаги, к которым не принадлежало влияние в Восточной Европе (потерянное Францией еще в 1930-х гг.): франко-германский тандем, Союз для Средиземноморья, развитие европейской оборонной идентичности.

Изначально Франции пришлось считаться с мнением восточноевропейских членов Союза, в первую очередь, Польши и стран Балтии. Они с подозрением отнеслись к Союзу для Средиземноморья (в чем их поддерживала Германия), не склонны были поддерживать французский проект, опасаясь, что это переориентирует финансовые потоки помощи ЕС, которыми сегодня пользуются новые восточноевропейские члены, на финансирование далеких от них культурно и географически стран Восточного и Южного Средиземноморья. Гораздо больший интерес представлял для этих стран выдвинутый Польшей и Швецией проект «восточного союза», составленного из бывших советских республик, призванный стать чем-то вроде «кордона» между ЕС и Россией, который именно по этой причине не встретил энтузиазма у Франции, желавшей озаглавить свое председательство заключением нового базового соглашения ЕС с Россией.

Согласившись превратить проект Средиземноморского Союза в Союз для Средиземноморья, Николя Саркози добился для Франции статуса полноправного члена Балтийского союза, в котором до тех пор она была лишь наблюдателем²³, что может способствовать усилению политического влияния Франции в этом регионе и сотрудничеству там с Россией, которая тоже входит в этот союз.

1.2. Франко-германская пара: определение вектора политики в отношении ЦВЕ и на постсоветском пространстве

Согласие во Франко-германской паре является важнейшим условием укрепления роли Франции в расширенной Европе.

Как того опасался Франсуа Миттеран при объединении Германии, ей удалось добиться центрального положения в ЕС не только географически, но и политически, благодаря гораздо большему, чем у Франции, влиянию среди новых членов Европейского Союза. Позиции германского капитала в этой зоне значительно прочнее. Именно Германия, вопреки желанию Франции, ратовала за быстрое расширение Евросоюза на Восток и Берлин проявил больше такта в обращении с новыми союзниками.

В восточноевропейских столицах вряд ли забыли об отповеди Жака Ширака, который в ответ на их заявления о поддержке военной операции США против Ирака в 2003 г. сказал, что они «упустили возможность промолчать» и прислушаться к мнению старожилев ЕС.

В то же время, объединенная Германия стала гораздо более европейской, чем атлантической, и это сблизило ее с Францией (и с Россией) больше, чем личное взаимопонимание Николя Саркози и Ангелы Меркель (и Дмитрия Анатольевича Медведева). Меркель и Саркози высказались против ПДЧ для Украины и Грузии в НАТО. Это досе – в большей степени атлантическое, чем европейское, поскольку служит росту напряженности ЕС—НАТО и России.

Другой фактор, усиливший франко-германское согласие в отношении Восточной Европы – их роль европейских доноров в условиях экономического кризиса. Рассмотрим эти два фактора по порядку:

2. Атлантизация Европы и новые вызовы европейской безопасности: тандем США – «новая Европа» и французское председательство

2.1. Уроки кавказского кризиса: успех французского посредничества и срыв соглашения Россия—ЕС

Кризис стал серьезным вызовом французскому председательству: Как говорить от имени Европы, если внутри ЕС отношение к кризису было неоднозначным, и в данном случае нельзя говорить о разделении только между старой и новой Европой. Так, Испания, Италия, Греция, Словакия и Чехия не были склонны осуждать действия России в конфликте. А Великобритания, Польша, Литва, Эстония и Латвия активно поддержали Грузию. Кроме того, Польша срочно отозвала все возражения против размещения американской ПРО (defense antimissiles). В этой позиции инстинкты холодной войны переплелись с внутривнутриполитическими соображениями, особенно в том, что касается правительств стран Балтии.

Франция, поддержанная Германией, взяла на себя роль посредника. Позже Николя Саркози

назвал действия России в конфликте «неадекватной реакцией» («réaction disproportionnée des Russes»), однако, именно реакцией, спровоцированной действиями Михаила Саакашвили. Он призвал к отказу от идеологических схем во имя миротворчества: «L'Europe doit être juste et ne pas hésiter à sortir de schémas idéologiques pour porter un message de paix»²⁴.

Европейское президентство Франции явилось важным позитивным фактором завершения горячей стадии конфликта:

1) В качестве председателя она получила право говорить от всего ЕС и институциональные возможности для поисков компромисса внутри ЕС.

2) Посредничество Франции было приемлемо для России, по крайней мере, по двум причинам: постоянный диалог по проблемам безопасности благодаря франко-российскому Совету сотрудничества в области безопасности с участием МИД и Минобороны (с 2002 г.); и в целом, благодаря позиции в вопросе вступления Грузии и Украины в НАТО. Незадолго до кризиса весной 2008 г., на Бухарестском саммите НАТО, Николя Саркози заявил, что это стало бы «неправильной реакцией на существующий баланс сил в Европе»²⁵. Заметим, что большинство восточно-европейских лидеров²⁶ (кроме Венгрии) горячо высказались за ПДЧ (План для членства).

Но соглашение Россия—ЕС опять было отложено. В принципе, оно не готово до сих пор, и Россия, скорее всего, права, считая, что надо идти по пути рамочных соглашений по отдельным аспектам этих отношений.

2.2. Связь атлантизации Европы (следствие расширения на восток) и возвращения Франции в военную организацию НАТО: чего ждать России?

Эта связь обнаруживается в дискурсе президента Франции. Говоря о мотивах своего решения вернуть страну в военную организацию НАТО, он ссылается на чувства восточноевропейских новобранцев НАТО: «Наша позиция (вне военного командования НАТО) дает повод усомниться в предмете наших европейских амбиций... странам, которые присоединились к Альянсу, освободившись от опеки Варшавского договора... Попробуйте объяснить этим странам, пережившим такое, пока мы были по другую сторону стены, что вступление в Альянс – это потеря независимости. ...Для них НАТО является символом обретенной безопасности, так же как ЕС – символом их нового процветания»²⁷.

Как реагировать России на банализацию положения Франции в НАТО в тесной связи с атлантизацией Европы благодаря двойному расширению на восток?

С одной стороны, Москве не может импонировать, что в той же речи президент связал в одном коротком абзаце две фразы: «В Европе наши сухопутные и морские границы уже не безопасны. И Россия вернулась к политике утверждения своей мощи». Правда, президент тут же добавил: «Я никого не хочу обидеть, говоря об этом»²⁸. Раз так, то Россия может надеяться, что в контексте продвижения НАТО к ее границам возвращения Франции в органы принятия решений может иметь для нее потенциальные плюсы:

1) усиление удельного веса стран с глобальной ответственностью внутри военной организации НАТО;

2) сохранение французской автономности при способности влиять на решения (союз, но не подчинение) – скорее плюс, чем нейтральный фактор в силу плюса № 1.

Потенциальные минусы: главный вектор развития отношений Россия—НАТО по-прежнему зависит не от Франции, а от пока не определившейся позиции США – неизвестная, но предсказуемая величина.

Разрешение противоречия в желательном для России и ее понимания европейской стабильности зависит от того, сможет ли Франция убедить Восточную Европу европеизировать политику безопасности ЕС и НАТО, придав ей неконфронтационный характер?

Экономический кризис парадоксальным образом может открыть неплохие перспективы в отношениях Франция (Старая Европа)—Восточная Европа—Россия.

3. Линия Франции в ЕС по преодолению экономического кризиса как «послание» Восточной Европе: от инстинктов холодной войны к прагматизму

3.1. Неформальный Брюссельский саммит ЕС: доноры, реципиенты и проблемы финансовой мощи Восточной Европе

Можно предположить, что экономический кризис, в силу франко-германской политики касательно стран ЦВЕ станет катализатором процесса отказа этих стран от инстинктов прошлого в отношении России в пользу прагматического сотрудничества. Эта тенденция представлена сейчас в политике старых членов, к ней склоняются Чехия, Словакия, Венгрия и даже Польша. Кризис может усилить эту тенденцию, тем более, что франко-германская позиция – позиция стран-доноров для ЦВЕ – призвана усилить экономическую ответственность этих стран, хотя и вызывает сегодня критику с их стороны. Кризис – это серьезное испытание для политики ускоренной интеграции стран Восточной Европы, поскольку он сильнее затронул неокрепшие

экономики новых стран-членов, поставив на грань государственного банкротства Латвию и Венгрию.

На неформальном евросаммите в Брюсселе 1 марта 2009 г. Франция и Германия выступили против предложенного Венгрией плана спасения экономик посткоммунистических восточноевропейских стран в 180 млрд евро (притом, что к тому времени уже была предоставлена помощь: Венгрии в размере 6,5 млрд евро и 3,1 млрд евро Латвии. Общая сумма средств, выделенных на солидарную помощь Сообщества, увеличена вдвое, с 12 до 25 млрд евро). Франция выступила против автоматической и безусловной помощи. В Париже считают, что помощь должна быть обставлена жесткими условиями и что надо покончить с практикой Брюсселя, который поощрял финансовую безответственность новых членов ЕС²⁹.

3.2. Французский протекционизм как стимул к прагматической политике Восточной Европы в отношении России

Страны ЦВЕ, в которых размещены предприятия французских автогигантов, упрекают Николя Саркози в непостоянстве и протекционизме. В непостоянстве, поскольку в бытность свою председателем ЕС, он явно демонстрировал приверженность к общеевропейским интересам (особенно в период обсуждения острейших проблем в связке кавказский кризис – соглашение Россия—ЕС). Сложив с себя обязанности председателя, в разгар кризиса и отдавая себе отчет в критическом положении восточноевропейских экономик, он вернулся к защите национальных экономических интересов, даже в ущерб интересам стран ЦВЕ.

Что это значит для России? Для нее это хороший знак. Не потому что ее должны радовать трудности ЦВЕ или разногласия внутри ЕС, а потому что этот отказ – следствие кризиса и одновременно следствие банализации положения новых членов в ЕС, т. е. отказ от прежнего отношения к ним, тем более, что условия, породившие их статус, себя исчерпали. Эта смена отношения благотворна для перспектив развития диалога России и ЕС, прежде всего, ее восточноевропейских членов на базе не старых антирусских или антисоветских инстинктов, а прагматических интересов этих стран.

Новые восточно-европейские члены ЕС: демократическое равноправие внутри ЕС, но дефицит ответственности

Речь идет как о положении лимитрофов бывшего СССР из ЕС, так и о лимитрофах России и ЕС, объединенных идеей (не французской) Восточного партнерства.

1) Исторически роль лимитрофов – это роль мостов или роль барьеров. Распад социалистической сис-

темы и распад СССР, как мы теперь видим, не уничижил отчуждения между западом и востоком Европы, а отодвинул границу отчуждения дальше на восток, к границам СНГ, потом – к границам России. Тенденция второй половины 1990-х—начала 2000-х гг. состояла в том, что Европа Сообществ, стремительно открываясь на восток, на страны ЦВЕ, «закрывалась» от России. Наглядный пример – введение визового режима странами Балтии, Чехословакией и всеми кандидатами из ВЕ накануне вступления в ЕС, которое диктовалось присоединением к Шенгенской зоне. Пересматривались и условия приграничной торговли и условия двусторонних торговых обменов этих стран с Россией в сторону ужесточения. Устремившись в Европу и НАТО, которые: первая должна была обеспечить их экономическое и социальное развитие, модернизацию их экономики, инвестиции, кредиты и т. д., вторая – их безопасность, эти страны не задумывались о потерях, которые их ждут в результате нарушения связей с Россией и потери тех выгод, которые эти связи давали.

И здесь мы переходим к 2): проблеме ответственности. Старые члены ЕС, Франция среди них, сочувствуют антироссийскому развороту ЦВЕ. Конечно, в этом замешаны исторические инстинкты: от европейского соперничества с Российской империей (XVIII—XIX вв.) до идеологических инстинктов холодной войны. Прежде всего, это сочувствие к странам, отошедшим в результате Второй мировой войны к советской сфере влияния и (тоже идеологическое) неприятие современной внутривосточной эволюции России.

Эксплуатация этой темы в политическом плане (политический разворот от сотрудничества к отчуждению от России) была рискованной с точки зрения экономической (потеря транзитной роли, привилегий в торговле с Россией, огромного растущего рынка, традиционно ориентированного на импорт из ЦВЕ и бывших республик Прибалтики, нарушение сырьевых потоков из России). Она привела к ощутимым потерям (проблема польского мяса, грузинских и молдавских вин, сужение транзитных товарно-сырьевых потоков через страны Балтии, российско-украинские газовые конфликты и т. д.). Но в первые годы свободы эти потери компенсировались политическими и в перспективе замещающими экономическими выгодами от форсированного вступления в НАТО и в ЕС. Французским коллегам не надо доказывать, что именно вступление стран ЦВЕ в НАТО – идея не Франции, но США – во второй половине 1990-х, несмотря на осторожность Парижа, ускорило решение вопроса о вступлении стран ЦВЕ в ЕС. Здесь помнят об отвергнутом ЦВЕ проекте Миттерана – Европейской Конфедерации.

Демократический характер ЕС и вектор углубления интеграции (договор в Ницце, Евроконституция и Лиссабонский договор), в отличие от СЭВ, крайне благоприятствовал повышению роли новых членов внутри ЕС, несмотря на несопоставимость их политической роли и их вклада в бюджет и в программы развития Сообществ. Означало ли это повышение их ответственности – другая сторона демократии?

Экономический кризис, поставивший страны ЦВЕ в группу особого риска, снизил возможности увеличения помощи им со стороны стран-доноров. Франция и Германия возглавили группу стран ЕС, выступивших против планов нынешнего председателя – Чехии в Брюсселе в начале марта. Отсутствие горячей и безусловной поддержки со стороны таких стран, как Франция, в период кризиса с польским мясом во многом изменило общий курс Варшавы в отношении Москвы. На уровне правительства и деловых кругов перспективы польско-российского сотрудничества за последний год значительно улучшились. Прагматизм – рациональный подход к отношениям ЕС с Россией, который предлагает Франция, постепенно способствует преодолению фобий из времен царизма и холодной войны.

Но другая тенденция – разрушить мосты и воздвигнуть барьеры – не исчерпана. Обе присутствуют в качестве потенциалов в программе Восточного Partnership, предложенной шести лимитрофам России.

4. «Новая Европа» перехватывает политическую инициативу: Восточное партнерство

4.1. Восточное партнерство и роль лимитрофов: мосты или барьеры?

На саммит ЕС в Праге в начале мая 2009 г. Чехия пригласила представителей лимитрофов России – участников или бывших участников СНГ, которым была предложена программа создания Восточного партнерства ЕС с европейскими соседями: Белоруссией, Украиной, Молдовой и тремя кавказскими республиками: Арменией, Азербайджаном и Грузией (Лукашенко и Воронин не приехали). Бюджет проекта – 600 млн евро.

Отношение Франции к этой инициативе:

– с одной стороны, не она выступила инициатором (это, в первую очередь, проект Швеции и Польши). Николя Саркози не поехал в Прагу, послав туда Ф. Фийона. В то же время, для Франции ВП является более разумной альтернативой дальнейшего расширения на Восток (на Украину), к которому ЕС не готов. Известно, что президент Украины отнесся к происходящему в Праге так же, как в начале 1990-х страны ЦВЕ (Гавел) отнеслись к предложению Миттерана создать Европейскую конфедерацию: он хотел видеть свою страну в ЕС, и бо-

ялся, что его вместе с другими заставят толкаться в приходе благополучной Европы Сообществ.

– с другой стороны, Франция считает, что постсоветское пространство – лимитрофы России – являются зоной интересов не только России, но и ЕС и НАТО и ей небезразлично, в каком направлении будет развиваться Восточное партнерство. Здесь задействованы крупные геополитические интересы, и вопрос о характере этих режимов, только 3 из которых можно назвать демократическими (Грузия, Украина, отчасти Молдова), отошел перед этими соображениями на второй план.

Для России важно, чтобы ВП был призван «не противопоставлять, а дополнять» отношения с Россией (мост, а не барьер).

4.2. Саммит Россия—ЕС в Хабаровске как ответное «послание» России

23 саммит Россия—ЕС Москва устроила в Хабаровске, а не в прекрасном европейском Петербурге, как в начале правления Путина. Подобно тому, как саммит в Праге означал, что Европа движется на восток, приглашение в Хабаровск содержало в себе ответное послание. Это путешествие, равное перелету в Бразилию, – не экскурсия, а предложение Брюсселю и Праге мыслить глобально.

1) Географически: Хабаровск на границе с Китаем. Поездка в Хабаровск может наглядно продемонстрировать европейцам, что огромная география России – это и преимущество и вызов, который ей в одиночку не преодолеть. В отсутствие российско-европейского тандема у нее недостаточный экономический, инвестиционный и технологический потенциал для автаркии, на которую ее толкает перспектива увидеть в ВП барьер между ней и ЕС.

2) Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять: Если это будет барьер, призванный заставить Россию снизить свои требования в отношении условий энергетического и всякого иного партнерства, экономика России пострадает, особенно в условиях кризиса и снижения цен на энергоносители. Вместе с тем, известны особенности России: нетребовательность населения и громадный потенциал мобилизации именно в конфронтационных условиях. Поэтому ЕС для России –

естественный, но не единственно возможный регион для построения общих пространств.

Заинтересованность Франции в Китае (большая, чем в России) говорит о том, что в Париже оценили значение смещение центра экономического роста в Азию. Россия пока больше заинтересована в Европе. Если Россию заставят отвернуться от Европы, то весь ее потенциал: недра, запасы пресной воды, энергоносители, лес, пахотные земли и громадный рынок, вместе с Центральной Азией, все еще связанной с Россией, но уже хорошо освоенной Китаем, – все эти пространства и богатства станут факторами развития громадного мирового центра на Востоке. Это, возможно, неплохо для развития русской Сибири и Дальнего востока, до которых у европейского центра России веками не доходили руки. Насколько это выгодно ЕС, Франции, Восточной Европе?

Во Франции многие об этом думают, я знаю, что многие участники нашего коллоквиума рассматривали эту перспективу. Я хочу, чтобы эти вопросы задали те, кто завтра будет творцами политики, отношений между Россией, Францией, Болгарией, Чехией.

Evgenija O. Obichkina. Results of the French Presidency in the EU (July – December 2008)

The author presents the overview of the results of the French presidency in EU in the second half of 2008 in the context of the contemporary French European policy. The French presidency saw two events significantly influencing the world affairs, these are the global financial crisis and the conflict in the Caucasus with Russia taking part. The reaction to these events required a change in the initial priorities of the French presidency. Major issues of the French European policy are analyzed in the article: the creation of the Union for the Mediterranean; elaboration of European immigration policy; amplification of the European Security and Defense Policy (ESDP); and fighting the world financial crisis.

From the conceptual perspective the author fixes a shift of the balance between France and Germany towards the latter and, inside the EU, towards the new member-states. It determined in many respects France's strategic choice in favor of enhancing the European defense and security on the way of «atlantization» of its own security policy, which included, among other things, the return of France back to the NATO military structure.

1. В речи перед Европейским парламентом: Discours de M. Le Président de la République. Parlement Européen, Strasbourg, 16 décembre 2008 // www.elysee.fr.
2. Discours de M. Le Président de la République. Parlement Européen, Strasbourg, 16 décembre 2008 // www.elysee.fr
3. Le Figaro, 07.08.2008.
4. 2 марта 2008 г. на франко-германской встрече в Ганновере.
5. Courrier International; № 919 du 12 au 18 juin 2008. P. 40.
6. Национальное собрание Франции приняло закон, согласно которому требуется обязательное проведение общенационального референдума для согласия страны на вступление в ЕС новой страны, если ее население превышает 5 % населения ЕС. В Тур-

- ции считают, что это серьезно затруднит ее движение в ЕС.
7. 3 июля 2008 г. в Марселе на встрече министров торговли стран Средиземноморья.
 8. *Le Monde*, 2 mars 2009.
 9. Наблюдатели отмечают, что в начале президентства Ширака франко-германское согласие (Коль—Ширак) было нарушено решением Франции возобновить ядерные испытания, а согласия в паре Ширак—Шредер установилось только спустя 2 года, разделявшие Берлинский саммит 1998 г. и саммит в Ницце 2000 г. (Фигаро, 03.04.2008).
 10. На саммите Франция—ФРГ в Ганновере (Фигаро, 03.04.2008).
 11. В речи перед Европейским парламентом: Discours de M. Le Président de la République. Parlement Européen, Strasbourg, 16 décembre 2008 // www.elysee.fr.
 12. Опасаясь маргинализации страны, дистанцировавшейся от военной политики США и НАТО с 1966 г., Миттеран в конце своего президентства, а затем Ширак в 1997 г. заявляли о готовности вернуться в военные структуры НАТО, обставляя это возвращение рядом условий, что США сочли неприемлемым.
 13. Discours du Président de la République sur la Défense et la Sécurité Nationale, 17 juin 2008. P. 11. // www.elysee.fr.
 14. Ibid. P. 3.
 15. www.elysee.fr: Adoption du paquet climat /énergie au Parlement européen. Publié le 17.12.08.
 16. Discours de M. Le Président de la République. Parlement Européen, Strasbourg, 16 décembre 2008. P. 4. // www.elysee.fr.
 17. Ibid. P. 2.
 18. Tanguy de A. Moscou et le monde...
 19. Discours de M. Le Président de la République. XVIIème Conférence des Ambassadeurs. 26 août 2009. P. 6.
 20. Ibid. P. 4.
 21. Présidence française du Conseil de l'Union Européenne. Bilan et perspectives. SGAE, Premier ministre, 2008. P. 2.
 22. Discours de M. Le Président de la République. XVIIème Conférence des Ambassadeurs. 26 août 2009. P. 1.
 23. 2 марта 2008 г. на франко-германской встрече в Ганновере.
 24. Allocution devant le Parlement Européen, Strasbourg, 21 octobre 2008. P. 1.
 25. Российская газета, 02.04.08.
 26. Письмо было подписано Канадой, Болгарией, Польшей, Словакией, Чехией, Румынией, Словенией, Эстонией, Литвой и Латвией.
 27. Discours Sur la Défense et la Sécurité Nationale le 17 juin 2008. P. 10.
 28. Ibid. P. 3.
 29. *Le Monde*, 4 mars 2009.